

2. Гегель Г. В. Ф. *Философская пропедевтика* // *Работы разных лет* : в 2 т. М., 1971. Т. 2. С. 7–209.
3. *Достоевский Ф. М. Бесы* // *Собр. соч.* : в 15 т. Л., 1990. Т. 7.
4. *Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы* // Там же. 1991. Т. 9.
5. *Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы* // Там же. Т. 10.
6. *Достоевский Ф. М. Записки из подполья* // Там же. 1989. Т. 4.
7. *Достоевский Ф. М. Идиот* // Там же. Т. 6.
8. *Достоевский Ф. М. Петербургские сновидения в стихах и прозе* // Там же. 1988. Т. 3.
9. *Достоевский Ф. М. Преступление и наказание* // Там же. 1989. Т. 5.
10. *Коплстон Ф. Кьеркегор* [Электрон. ресурс] // Коплстон Ф. *От Фихте до Ницше* / пер. с англ., вступ. ст. и примеч. д. ф. н. В. В. Васильева. М., 2004. URL: http://www.krotov.info/libr_min/k/korolk/kopls_09.html
11. *Кьеркегор С. Болезнь к смерти* // Кьеркегор С. *Страх и трепет*. М., 1993. С. 249–350.
12. *Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский*. М., 1995.
13. *Соловьев В. Мандей* [Электрон. ресурс] // *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. URL: <http://gatchina3000.ru/brockhaus-and-efron-encyclopedia-dictionary/063/63863.htm>

М. В. Загидуллина

г. Челябинск

Преодоление Достоевского: есть ли у мировой литературы шанс?

Вопрос о преодолении одного гения другим в постоянной (и неустанной) борьбе «отцов и детей» подробно рассмотрен Х. Блумом [1]. В оригинальной концепции «страха влияния» этот исследователь предлагает универсальную модель, по которой подражание великому неизбежно сменяется творческим преодолением и «победой» над этим подражанием. Между тем примеры, которые приводит Блум, с трудом поддаются экстраполяции на другие художественные тексты; иными словами, теория оказывается весьма и весьма уязвимой. Но в то же время несогласие с этой теорией провоцирует вопрос: а есть ли шансы у последователей победить предшественников, которых восхищенное человечество уже

увенчало лавровым венком вечной славы? В случае с Достоевским вопрос приобретает особую остроту, поскольку литературоведение склонно весь углубленный психологизм и «самокопания» разного рода в постдостоевской литературе приписывать влиянию этого гения.

Первый и важнейший тезис, который следует обосновать, — это факт *прекращения перечитывания*. По Блуму [1], всякий вновь входящий в литературу писатель так или иначе находит себе опору в творчестве «отца» — предшественника, оказавшего на «неофита» особое влияние. Однако сам феномен «писательского бума» современной эпохи ставит под сомнение этот путь внутрицеховой коммуникации.

С точки зрения развития общекультурного поля, мы могли бы выдвигать мысль о неизбежном перенасыщении литературного пространства текстами, что, в свою очередь, приводит к своеобразному «кризису перепроизводства»: количество создаваемых текстов превышает количество потенциальных их потребителей — читателей. Прошлые эпохи утверждали за литературой право считаться медиатехнологией — текст тиражировался и адресовался абстрактному «совокупному» читателю. Современная практика размещения текстов в Интернете, с одной стороны, доводит до крайности саму концептуальность *медиа* как особой технологии тиражирования (текст становится доступен неограниченному числу пользователей множеством разных способов — от приспособлений для чтения электронных книг или простого чтения с экрана on-line до принципа print on demand и издания «персонального» экземпляра), а с другой стороны — эта же доступность оборачивается «одиночеством в сети», когда у текста может вообще не оказаться ни одного читателя, кроме автора. Даже известные авторы, чьи книги стали заметным явлением благодаря получению премий или активности литературной критики, зачастую имеют ограниченный контингент читателей — но что еще более важно, оказываются неизвестными «собратьям по цеху». Так разрушается внутрицеховая преемственность и движение «от поколения к поколению», что порождает постоянное «кружение на месте», «изобретение велосипеда» и другие эффекты «глухонемой» системы коммуникации. Перечитывание предшественников редуцируется и, возможно, сводится на нет.

Однако речь идет только о перечитывании *ближайшего* круга авторов, тех, кто непосредственно примыкает к поколению «новых писателей». Остается ли обязательным для новых поколений писателей перечитывание классики?

Даже не проводя специальных исследований, мы можем выдвигать мысль об особом положении классических текстов в современной культуре — и, следовательно, в творчестве новых поколений писателей. Вторым значимым тезисом статьи можно назвать принцип внутрицеховой зависимости от классики *помимо чтения*. Н. А. Рубакин когда-то описывал феномен «неграмотных читателей» — когда основное поколение детей пошло учиться в земские школы, а их неграмотные родители невольно подключились к «усвоению литературы» благодаря тому, что дети учили дома стихи и фрагменты прозы наизусть [4, с. 174]. Современное состояние института литературы, характеризующееся перепроизводством текстов, может рассматриваться как деятельность «неперечитывающих зависимых»: даже не перелистывая сознательно и специально страницы классических текстов, писатели новых поколений оказываются в «плёну» классической литературы, которую иначе мы могли бы здесь назвать «школьной».

Это происходит в первую очередь благодаря экстралитературному бытованию классических текстов, совершающих экспансию не только в иные виды искусства (кино, музыка, театр и др.), но и в абсолютно внелитературные сферы: например, политику, экономику, сферу социальных отношений. Так создается парадокс: с одной стороны, литературное поле перенасыщено *нечитаемыми* текстами, с другой стороны, не они, а именно классическая литература заполняет вакуум смежных полей и создает еще большее напряжение в современном литературном пространстве.

Если учесть, что такая ситуация характерна не только для России, но и для всей «мировой республики литературы» в целом [2], то станет очевидна экспоненциальная зависимость «веса» того или иного классического текста от промежутка времени, иначе говоря, чем дальше мы отодвигаемся от времени возникновения текста, тем более значимым в культурном поле он становится.

Думается, что значение здесь имеет собственно место того или иного классического автора в классическом пантеоне, особенно на межнациональном уровне. В отечественной словесности совершенно особую позицию в этом плане занимает Достоевский. Став в свое время «властителем дум» в России во многом благодаря журналистским технологиям («Дневник писателя»), наиболее существенная черта которых — постоянство общения с читателем, выход к диалогическим формам, создающим эффект вовлеченности читателя в постоянный поток размышлений, философствований и рефлексии писателя [3, с. 186], Достоевский

в достаточно короткие сроки «завоевывает» и западного читателя, в первую очередь — профессионального, заинтересованного читателя, каким выступает писатель, «собрат по цеху». Но если первые переключки с творчеством Достоевского на рубеже XIX–XX вв. рассматривались как прямая опора (вполне в русле взглядов Х. Блума), то за сто лет развития литературы и в условиях действия факторов, о которых речь шла выше, произошло *вырождение генезиса*. Теперь источником прямого влияния становились не тексты Достоевского, а «достоевскость» как феномен. Если в таком тексте, как «Чапаев и Пустота» В. Пелевина, мы еще можем видеть непосредственную «игру в классики», «педалирование» стереотипного восприятия «школьного» произведения Достоевского, впрочем, с явным выходом к серьезной и глубокой интерпретации, то в романе «t» того же автора переключки с текстами исключены — остается лишь сама «фактура» присутствия Достоевского в литературе, «облако тегов», некоторых условных ключевых слов, «описывающих» его суть. Здесь мы фактически приближаемся к «смычке» писательского цеха и массового сознания, которое по тем же законам библиопсихологии вынужденно сворачивает литературную память до ярлыков, «формул». Утверждение в литературе определенных совокупностей черт разного плана под ярлыком «Достоевский» (например, мрачность, отстранение, аутизм, затерянность среди людей, психологические бездны, надрывы и др.) превращает целые идиостили письма в заведомо помеченные «достоевскостью».

Именно здесь и возникает эффект вечного влияния — Достоевский перерастает собственно тексты, которые должны были быть источником влияния на новые поколения писателей. Он превращается в «воздух» текста, ту среду, где разворачивается наррация нового произведения. Более того, мы могли бы указать на интересную параллель: не случайно именно русский математик Григорий Перельман сумел доказать гипотезу Пуанкаре (одна из семи математических задач нового тысячелетия), согласно которой (упрощая) одного признака сферы достаточно, чтобы утверждать, что перед нами сфера. Этот принцип можно распространить и на литературную ситуацию. Наступает такой период развития литературного процесса, когда определенные ярлыки начинают маркироваться отдельными своими компонентами: так, мрачной самоуглубленности персонажа в реалистическом повествовании достаточно, чтобы говорить о «достоевскости» всего текста.

Непреодолимость Достоевского, таким образом, базируется не только и не столько на *содержании* его литературного наследия, сколько на усвоении этого наследия широким культурным полем, его *поглощении*

и переваривании, другими словами, символическом потреблении. Продуктом такой переработки становится неуничтожимая и продолжающая свое триумфальное шествие «достоевскость» как *эрзац* творчества писателя в новой эпохе литературного перепроизводства.

-
1. Блум Х. Страх влияния. Карта перечитывания. Екатеринбург, 1998.
  2. Казанова П. Мировая республика литературы. М., 2003.
  3. Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту: очерки по истории чтения в России во второй половине XIX века. М., 1991.
  4. Рубакин Н. А. Русские читатели и их обстановка // Вестн. знания. 1905. № 1. С. 172–182.

С. Ю. Королева

г. Пермь

**Между русской классикой и фольклором:
идейно-стилевая традиция Ф. Достоевского
и фольклорный нарратив в повести
В. Распутина «Живи и помни»**

Повесть В. Распутина «Живи и помни» (1974), написанная на пересечении «деревенской» и «военной» прозы, закономерно воспринималась современниками в ряду произведений, по-новому осмыслявших тему Великой Отечественной войны. Возможно, поэтому внимание критиков и литературоведов не сразу привлекла идейно-стилевая традиция Ф. Достоевского, отличающая эту повесть от других книг автора. Еще меньше внимания уделялось мифопоэтическому подтексту произведения. Конечно, в отличие от «Последнего срока», «Прощания с Матерой» или позднего рассказа «Изба», художественный мифологизм «Живи и помни» растворен в толще реалистических событий и почти не выходит на первый план. Тем не менее мифопоэтические структуры, тесно связанные с образами двух главных героев — Андрея и Настены, приносят дополнительные смыслы в нравственно-философскую и социальную